

Наталья Павлова

СЫРОМЯТНЫЙ ВОЗДУХ СЕВЕРА

Сыромятный воздух Севера –
вольно душу мою мять!
Белой липой, белым клевером
память крови окликать.

Не тяни меня за длинные
мои русые волосы.
С детства помню я старинные
и часовни, и мосты.

Все равно, Иркутск иль Устюг –
всюду мы зовемся Русью,
и судьба наша проста:
от креста и до креста.

1992

И в каменных трущобах бытия,
в безбожии – и суетно, и тесно-
росла, как все... Откуда знаю я
о радости, о нежности небесной?

Порою было все, как в страшном сне:
то обыски, то смерти, то болезни...
Но ангелы на ушко пели мне
о радости, о нежности небесной.

Под проливную музыку дождя
в лесную глушь ушло босое сердце
стихи слагать и плакать, как дитя,
о радости, о нежности небесной...

1994

Как теплый хлеб из деревенской печи,
молитва дышит Духа теплотой.
Осенний день зажег деревьев свечи
и тихо тает в дымке золотой...

Таинственная поступь листопада
и на чело возложенный елей...
...Уже все есть, и ничего не надо,
кроме Великой Милости Твоей.

1994

Словно звездами небо, усыпанный храмами Суздаль,
где поют птицы рая, слетев на кашмирскую шаль.
О, прародины пенье! О край, что предсердием узнан!
Отчего здесь так больно и сладко дышать?

Пойте, месяц и звезды, деревья и птицы,
древнерайскую песню на русский манер...
Во широких полях серебристая Клязьма струится
и мерцает зеленая Нерль.

А еще с детства помню таинственный город,
где дощатые улочки, старый паром,
воздух полон преданий, и кичменгский говор
наполняет родительский дом.

1995

От опасных сетей бытия
ты спасала меня не однажды.
Мати Церковь, родная моя,
утоли мою смертную жажду.

Напой родниковой водой,
что течет из источника жизни,
и позволь помолиться с тобой
о земной и небесной Отчизне.

Милосердия тихую ткань
кто возложит со словом услады?
На главу мою – легкую длань?
Кто еще назовет меня чадо?

1996

Я град таинственный узрела
на берегу реки великой,
и все внутри меня запело
какой – то вещью музыкой.

Плеск сонных волн, парома скрипы,
ограды, храмы, колокольни,
аллеи, келии и липы,
и древний ров, и остров дольний...

Прильни к святыням воздыханно,
и плачь, душа, и веселися:
почили здесь Иван и Анна,
и Валентин, и Василиса.

Зачем печною тягой тянет
из невозвратного России?
Зачем в крови моей прапамять
гудит с мистической силой?

1996

От лютого горя, от черной печали
скрепите мне сердце семью обручами,
ведь бедное сердце над бездною –
семью обручами железными.
Доколе в смиренной рубахе брести
по стонущим стогнам безумной Руси?
Лишь крестик, лишь крестик нательный –
защита от скорби смертельной.
Не смеет и самый отчаянный дух
заглядывать в очи голодных старух
и слышать, как ночью прогорклою
ликуют воронии оргии.
И все в ожидании новой беды.
И плачет ребенок у темной воды,
что дышит и зыбко, и глубоко:
- О, где ты, Россия, голубка?

1996

И когда душой вконец истерзан,
изнеможешь в будничной борьбе –
всю печаль на Господа возверзи,
яко Той печется о тебе.

И когда пойдешь над самой бездной,
вверившись таинственной судьбе –
всю печаль на Господа возверзи,
яко Той печется о тебе.

Песье время хваткою железной
сдавит горло... Но крепись в мольбе:
всю печаль на Господа возверзи,
яко Той печется о тебе.

1996

Блаженный час одиночества,
и в природе покой.
Вечер тихий такой, что хочется
погладить его рукой.

Веют крылами ангелы –
нежней ветерка.
В руки возьму Евангелие
и провалюсь в века:

сердцу болеть и томиться
в иерусалимскую ночь.
Я знаю, как все случится,
и не могу помочь...

Уходят не дни, а годы
на пониманье того,
как много дано свободы,
чтоб выбрать Волю Его.

1989